

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

103

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 103

TRIMESTRIEL

1 - 1972

LE MESSENGER

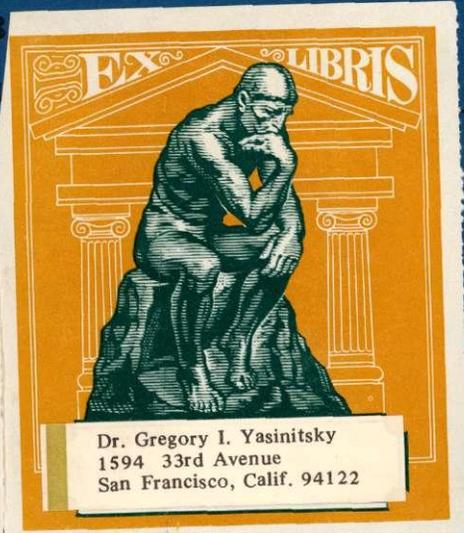
périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов.Америка: Архиеп. Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевский.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°. Tél. : 250-53-66

<p>В</p> <p>УСЛОВИЯ</p> <p>Во Франции с целью</p> <p>В Америке Общая дос с целью</p> <p>Читатели в продолжать</p> <p>Abonnement</p> <p>Prix du nu</p>		<p>1973 г.</p> <p>50 фр.</p> <p>100 фр.</p> <p>13 долл.</p> <p>25 долл.</p> <p>ров будут</p> <p>35 frs.</p> <p>15 frs.</p>
---	--	--

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый
счет РСХД:C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°

© Copyright Le Messager. 1972 Paris.

Adresse de la Rédaction : Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serre, Paris-15°. France

От Редакции

ВОКРУГ ПИСЬМА А. СОЛЖЕНИЦЫНА ПАТРИАРХУ ПИМЕНУ

Вместе с предыдущим выпуском „Вестника“, читатели получили, в виде приложения, отдельной тетрадь, великопостное письмо А. И. Солженицына патриарху Пимену. Письмо это облетело весь мир, вышло в различных переводах по несколько раз в каждой стране и вновь заставило западных людей открыть глаза на трагическое положение Церкви в России.

В православных кругах на Западе оно было встречено всеобщим сочувствием. Если не считать реакций со стороны некоторых членов „Зарубежной церкви“, нашедших в письме Солженицына лишь подкрепление для отрицания законности Московской Патриархии и использовавших его для своих целей, все увидели в обращении Солженицына не только и не столько осуждение Патриарха, сколько тревогу за бытие Церкви, попытку как-то продолжить насущное дело духовного раскрепощения Церкви, начатое семь лет назад двумя священниками.

Ниже, в отделе *Судьбы России* читатель найдет отклики написанные в этом духе о. А. Шмеманом, о. И. Мейендорфом, архиепископом Иоанном Шаховским.

С меньшим сочувствием и пониманием письмо Солженицына было встречено и воспринято в России, и не только в кругах близко-стоящих к возглавлению Церкви. До нас дошел лишь один из таких отрицательных отзывов. Автор его, о. Сергей Желудков, никак не может быть заподозрен в конформизме: он известен многочисленными самиздатскими статьями и книгами и даже подвергался репрессиям. Мы решили напечатать этот отклик как отображающий некоторые настроения в России, хотя решительно с ним не согласны.

Нам совершенно не понятно, почему о. С. Желудков называет письмо А. Солженицына „удивительно претенциозным документом“? Уж кто-кто, а Солженицын, прошедший много лет на каторге, своим мужеством, умом и талантом

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЦЕВСКАЯ ?

4001434

отвоевавший себе (а тем самым и другим) неслыханную свободу действий в тоталитарном государстве, имеет право предъявлять требования к Патриарху.

Как мы уже указывали выше, обличение Солженицына направлено не столько против личности Патриарха, недавно назначенного на свое служение, сколько против общей установки раболепства перед государством, м. б. закономерной в сталинские времена, но вряд ли оправданной в 70-е годы.

В лице Патриарха Солженицын обращается ко всем иерархам, священникам и членам Церкви. „Островом свободы“ Церковь со дня на день не станет, но, обратно, не пребывать же ей в раболепстве на веки?

Не пора ли Церкви постепенно отвоевывать себе независимость и честь? Иначе как ей быть достойной своего великого призвания? После откликов на письмо А. Солженицына мы помещаем несколько документов показывающих как глубоко проникла болезнь лжи и малодушия в церковную жизнь.

Конечно можно уже считать за чудо само существование Церкви, иноприродного тела внутри тоталитарного идеократического государства. Но не прав ли Солженицын, когда ставит ребром вопрос: достаточно ли спасти физическое бытие Церкви? Не пришло ли время спасти саму Церковь от грешного малодушия и нравственного бессилия?

Н. С.

СУДЬБЫ РОССИИ

Вокруг письма Солженицына

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ВСЕРОССИЙСКОМУ ПАТРИАРХУ ПИМЕНУ

великопостное письмо. *)

СВЯТЕЙШИЙ ВЛАДЫКО!

Камнем гробовым давит голову и разламывает грудь еще не домершим православным русским людям — то, о чём это письмо. Все знают, и уже было крикнуто вслух, и опять все молчат обреченно. И на камень еще надо камешек приложить, чтобы дальше не мочь молчать. Меня таким камешком придавило, когда в рождественскую ночь я услышал Ваше послание.

Зацемило то место, где Вы сказали, наконец, о д е т я х — может быть, первый раз за полвека с такой высоты: чтобы наряду с любовью к Отчизне родители прививали бы своим детям любовь к Церкви (очевидно, и к вере самой?) и ту любовь укрепляли бы собственным добрым примером. Я услышал это — и поднялось передо мной моё раннее детство, проведенное во многих церковных службах, и то необычайное по свежести и чистоте изначальное впечатление, которого потом не могли и стереть никакие жернова и никакие умственные теории.

Но — что́ это? Почему этот честный призыв обращен только к русским эмигрантам? Почему только тех детей Вы зовёте воспитывать в христианской вере, почему только

---

*) Несмотря на то, что все подписчики **Вестника** получили великопостное письмо Солженицына в виде отдельной тетради, мы сочли нужным снова его напечатать, чтобы при чтении откликов на него сам текст его был под рукой. Ред.

дальнюю паству Вы остерегаете „распознавать клевету и ложь“ и укрепляться в правде и истине? А н а м — распознавать? А н а ш и м детям — прививать любовь к Церкви или не прививать? Да, повелел Христос идти разыскивать даже сотую потерянную овцу, но всё же — когда девяносто девять на месте. А когда и девяносто девяти подручных нет — не о них ли должна быть забота первая?

Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить свой паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестящихся душ? Еще удивляться надо силе духа родителей, из глубины веков унаследованную неясному душевному сопротивлению, с которым они проходят доносительскую эту регистрацию, потом подвергаясь преследованию по работе или публичному высмеиванию от невежд. Но на том иссякает настойчивость, на крещении младенцев обычно кончается всё приобщение детей к Церкви, последующие пути воспитания в вере глухо закрыты для них, закрыт доступ к участию в церковной службе, иногда и к причастию, а то и к присутствию. Мы обкрадываем наших детей, лишая их неповторимого, чисто-ангельского восприятия богослужения, которого в зрелом возрасте уже не наверстать, и даже не узнать, что потеряно. Перешиблено право продолжать веру отцов, право родителей воспитывать детей в собственном миропонимании, — а вы, церковные иерархи, смирились с этим и способствуете этому, находя достоверный признак СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ в том. В том, что мы должны отдать детей беззащитными не в нейтральные руки, но в удел атеистической пропаганды, самой примитивной и недобросовестной. В том, что отрочеству вырванному из христианства, — только бы не заразилось им! — для нравственного воспитания оставлено ущелье между блокнотом агитатора и уголовным кодексом.

Уже упущено полувековое прошлое, уже не говорю — вызволить настоящее, но БУДУЩЕЕ нашей страны как же спасти? — будущее, которое составится из сегодняшних детей? В конце концов истинная и глубокая судьба нашей страны зависит от того, окончательно ли укрепиться в народном понимании ПРАВОТА СИЛЫ или очистится от затмения и снова засияет СИЛА ПРАВОТЫ? сумеем ли мы восстановить в себе хоть некоторые христианские черты

или дотеряем их все до конца и отдадимся расчетам самосохранения и выгоды?

Изучение русской истории последних веков убеждает, что вся она потекла бы несравненно человечнее и взаимосогласнее, если бы Церковь не отреклась от своей самостоятельности, и народ слушал бы голос ее, сравнимо бы с тем, как например в Польше. Увы, у нас давно не так. Мы теряли и утеряли светлую этическую христианскую атмосферу, в которой тысячелетие устлавались наши нравы, уклад жизни, мировоззрение, фольклор, даже само название людей — КРЕСТЬЯНАМИ. Мы теряем последние черточки и признаки христианского народа — и неужели это может не быть ГЛАВНОЙ заботой русского Патриарха? По любому злу в дальней Азии или Африке русская Церковь имеет свое взволнованное мнение, лишь по внутренним бедам — никогда никакого. Почему так традиционно-безмятежны послания, нисходящие к нам с церковных вершин? Почему так благодушны все церковные документы, будто они издаются среди христианнейшего народа? От одного безмятежного послания к другому, в один ненастный год не отпадет ли нужда писать их вове: их будет не к кому обратиться, не останется паствы, кроме патриаршей канцелярии?

Вот уже седьмой год пошел, как два честнейших священника, Якунин и Эшлиман, своим жертвенным примером подтверждая, что не угас чистый пламень христианской веры на нашей родине, написали известное письмо Вашему предшественнику. Они обильно и доказательно представили ему то добровольное внутреннее порабощение — до самоистребления, до которого доведена русская Церковь: они просили указать им, если что неправда в их письме. Но каждое слово их было ПРАВДА, никто из иерархов не взял их опровергнуть. И как же ответили им? Самым простым и грубым: наказали, за правду — отвергли от богослужения. И Вы — не исправили этого по сегодня. И страшное письмо двенадцати вятичей так же осталось без ответа, и только давили их. И по сегодня всё так же сослан в монастырское заточение единственный бесстрашный арихиепископ — Ермоген Калужский, не допустивший закрывать свои церкви, сжигать иконы и книги запоздало-остервенелому атеизму, так много успевшему перед 1964-м годом в остальных епархиях.

Седьмой год, как сказано в полную громкость — и что же изменилось? На каждый действующий храм — двадцать в запустении и осквернении, — есть ли зрелище более надрывное, чем эти скелеты, достояние птиц и кладовщиков? Сколько населенных мест по стране, где нет храма ближе ста и даже двух сот километров? И совсем без церквей остался наш Север — издавне хранилище русского духа, и, предвидимо, самое верное русское будущее. Всякое же попечение ВОССТАНОВИТЬ хоть самый малый храм, по однобоким законам так называемого ОТДЕЛЕНИЯ, перегорожено для делателей, для жертвователей, для завещателей. О колокольном звоне мы уже и спрашивать не смеем — а почему лишена Россия своего древнего украшения, своего лучшего голоса. Да храмы ли? — даже Евангелие у нас нигде не достать, даже Евангелие везут к нам из-за границы, как наши проповедники везли когда-то на Индигирку.

Седьмой год — и хоть что-нибудь отстоено Церковью? всё церковное управление, поставление пастырей и епископов (и даже — бесчинствующих, чтоб удобнее высмеять и разрушить Церковь) всё так же секретно ведется из СОВЕТА ПО ДЕЛАМ. Церковь, диктаторски руководимая атеистами, — зрелище, невиданное за Два Тысячелетия! Их контролю отдано и всё церковное хозяйство и использование церковных средств — тех медяков, опускаемых набожными пальцами. И благолепными жестами жертвуются по 5 миллионов рублей в посторонние фонды — а нищих гонят в шею с паперти, а прохуdivшуюся крышу в бедном приходе не на что починить. Священники бесправны в своих приходах, лишь процесс богослужения еще пока доверяется им, и то не выходя из храма, а за порог к больному или на кладбище, надо спрашивать постановление горсовета.

Какими доводами можно убедить себя, что планомерное РАЗРУШЕНИЕ духа и тела Церкви под руководством атеистов — есть наилучшее СОХРАНЕНИЕ ее? Сохранение — для кого? Ведь уже не для Христа. Сохранение — чем? ЛОЖЬЮ? Но после лжи — какими руками совершать евхаристию?

Святейший Владыко! Не пренебрегите вовсе моим недостойным возгласом. Может быть не всякие семь лет Вашего слуха достигнет и такой. Не дайте нам предположить, не заставьте думать, что для архипастырей русской Церкви

земная власть выше небесной, земная ответственность — страшнее ответственности перед Богом.

Ни перед людьми, ни тем более на молитве не слукавим, что внешние пути сильнее нашего духа. Не легче было и при зарождении христианства, однако оно выстояло и расцвело. И указало путь: ЖЕРТВУ. Лишенный всяких материальных сил — в ЖЕРТВЕ всегда одерживает победу. И такое же мученичество, достойное первых веков, приняли многие наши священники и единоверцы на нашей живой памяти. Но тогда — бросали ль в а м, сегодня же можно потерять только благополучие.

В эти дни, коленно опускаясь перед Крестом, вынесенным на середину храма, спросите Господа: какова же иная цель Вашего служения в народе, почти утерявшем и дух христианства и христианский облик?

Александр Солженицын

Великий пост,

Крестопоклонная неделя,

1972

1. ОТКЛИКИ

Прот. Александр ШМЕМАН

ПРОРОЧЕСТВО (*)

В Ветхом Завете, в истории древнего богоизбранного народа было удивительное, потрясающее явление: **пророки**. Станные, ни на что не похожие люди, не принимавшие покоя и самодовольства, лезшие, как говорится, на рожон, говорившие правду, возвещавшие суд Божий над всякой неправдой, слабостью и лицемерием. Потом все эти пророчества были исполнены в одном, последнем, Пророке, Которого — за то, что Он говорил правду, всю правду, всю вечную и небесную правду — вожди, священники и толпа распяли на кресте.

Потом были мученики, была радость Церкви, провозгласившей этого распятого Пророка Спасителем и Учителем мира. А потом потянулись длинные века так называемой христианской истории. И стало ослабевать пророчество. Стали привыкать сами христиане к спокойной и тихой жизни, к миру со всевозможными земными начальниками и вождями, к достатку и благополучию. Мир стал уходить от Бога, забывать про Христа, служить снова своим земным идолам. Пали одно за другим — и как легко! — христианские царства, христианские общества. Но христиане продолжали спокойно все это созерцать и, вздыхая, ссылаться на волю Божию, против которой, мол, не пойдешь.

И вот внезапно проснулось внутри христианства это забытое пророчество. Раздался голос одинокого человека, сказавшего во всеуслышание, что все это — уступка, послушание, компромиссы извечный мир Церкви с землей и властью — что все это зло. Человек этот Солженицын. Сравнительно недавно пришлось мне писать о нем, что главное чудо его личности и его творчества — это его любовь к правде, к правде, как к самому драгоценному, что есть на земле. И вот эта правда еще раз прозвучала в его великопостном послании. Еще раз пророк обратился к первосвященнику с все тем же вечным вопросом и вечной мольбой.

(*) Воскресная Беседа (переданная по Радио-Свобода).

Ибо, действительно, трагической особенностью истории православия нельзя не признать слабость в нем именно тех, кто поставлен строить и созидать Церковь. Вот низлагают в угоду власти св. Иоанна Златоуста, и низлагает кто? Свои же епископы. Вот молчит, немотствует Церковь, когда посылает Иван Грозный на смерть Филиппа Московского. Молчит и тогда, когда лишает ее свободы Петр Великий и делает простым департаментом под наблюдением чиновника в прусского фасона мундире. Молчит, когда гонит Екатерина Великая несчастного Арсения Мациевича. Молчит, когда свергает с епископских кафедр и возводит на них жуткий Распутин. И вот уже ничего не остается христианского в самом государстве и на его место появляется власть, открыто заявляющая о своем намерении уничтожить веру с корнем. Но опять же молчание, то же послушание, тот же все собою пронизывающий страх...

Нет, мы не судьи. Мы не знаем всего и не на нас лежит страшная ответственность даже за то небольшое, что этой страшной ценой удастся сохранить. Мы знаем, что есть разные пути подвига. Но не может не прожечь нашей души пророческий голос великого русского писателя. И хочется тихо и смиренно прибавить к нему, сказать: Ваше Святейшество! Нам вы отвечать не обязаны. Мы не провели, как Вы, десять лет в заключении, на наших плечах нет той страшной, нечеловеческой ответственности, что лежит на Вас. Но Солженицыну Вы можете хотя бы подать знак: да, услышал... Солженицын право на это заслужил всей своей жизнью. И вы знаете, что вопрос свой и мольбу свою обращает он к Вам от имени миллионов людей.

Ибо горе нам, если мы пророков не слышим и пророчеством пренебрегаем. Слишком много лжи. Слишком много от мира сего прелюбодейного и грешного в истории Церкви. И не наступает ли час ее внутреннего очищения и освобождения от этой лжи? И не должен ли начаться суд Божий именно с Церкви?

Что бы ни было дальше, мы знаем, что гонимая, в молчании пребывающая, Церковь обрела свой голос. Пусть это еще не голос первосвященника и вождя, облеченного полностью церковной властью. Мы знаем, что сила Божия в немощи совершается, что не остается Церковь без духовных вождей, пророков и мучеников и твердо верим, что врата адовы не одолеют ее.

Все мы, живущие под крылом свободной демократии на Западе, не имеем права судить тех, кто в Советском Союзе и других тоталитарных государствах несет на верхах ответственность за Церкви. Александр Солженицын, который сам провел восемь лет в концлагерях, и чье призвание, как писателя-христианина, быть совестью своего народа, этим правом бесспорно обладает. Недавнее его письмо к Патриарху Пимену будет рассматриваться будущими поколениями не только как исторический документ, а как «пророчество».

Как пророки Ветхого Завета, Солженицын решил говорить одну только правду в обществе, где ложь общепринятое явление. Высшая церковная власть Московского патриархата все эти годы словом и делом проводила политику так называемой «лояльности» к советскому государству, в надежде обеспечить Церкви как таковой дальнейшее существование, а многомиллионному церковному народу доступ к таинствам. Эта политика предполагает постоянные заявления «о прекрасных свободных условиях существования Церкви в России».

К несчастью, как указывает Солженицын, русские епископы веками грешили политическим конформизмом. Это началось не с советского строя, а с порабощения Церкви Петром Великим.

Конечно можно утверждать, что при Сталинском терроре физически было невозможно не быть конформистом. Но Солженицын ставит вопрос: необходим ли еще конформизм в наши дни? Пользуясь выражением самого Солженицына, можно сказать, что смерть Сталина открыла «новую эру». Солженицын смеет говорить и говорит правду; есть и другие менее яркие проявления бесстрашного свидетельства, которые при Сталине были бы немыслимы. Солженицын подчеркивает, что свидетельство влечет за собой лишь потерю личного благополучия, иногда заключение в концлагерь, но едва ли физическое уничтожение. Архиепископ Ермоген, отцы Эшлиман и Якунин все еще живы, несмотря на их выступления, и даже поддерживают связь с друзьями в России и за границей. Хотя они лишены права служения, но они продолжают участвовать в сакраментальной жизни Церкви.

Не пора ли, чтобы правда была возвешена с высоты Патриаршего престола? Ни Патриарх ни другие иерархи не несут конечно личной ответственности за все то зло, которое описано Солженицыным: отстранение детей от церкви, запрещение священникам

пастырствовать вне пределов храма, закрытие тысяч церквей и т. д...

Это зло — следствие основного антирелигиозного закона 1929 г., который все еще в силе. Не пора ли Церкви признать, что этот закон на самом деле направлен против нее, что отделение Церкви от государства, провозглашенное Советской конституцией, чистейший обман, поскольку «Совет по делам религии» взял в свои руки управление Церкви.

К сожалению очень маловероятно, чтобы теперешние руководители Русской Церкви отказались от пассивности и конформизма.

Кое-кто скажет, что этот конформизм все еще необходим, чтобы спасти Церковь от уничтожения. Но так же верно, что в Православной Церкви Патриархи и епископы не одни говорят от имени Церкви. Солженицын имеет право выступать от имени и в защиту Церкви. Более того, это его долг.

(перевод с английского)

(The Orthodox Church, april 1972)

Архиепископ ИОАНН С.Франциский *)

С волнением я прочел **Великопостное Письмо** Александра Солженицына к Патриарху Московскому и всея Руси Пимену.

В этом письме голос Солженицына возвышается до поистине пророческого. То, о чем пишет он Патриарху, **хорошо известно**. Ничего тут нет нового, ни для нас в Америке, ни, тем более, для православных людей в Советском Союзе. Всем известно, в каком положении находится тысячелетняя мать России, Православная Церковь. Но Солженицын высказал эти известные нам истины с новой силой и с даром нового слова, мудрого и мужественного.

Положение Русской Церкви, ее пастырей и верующих трудно.

У Русской Церкви на устах кляп. Она не может говорить **полным голосом**. Не раз мне приходилось затрагивать этот вопрос в своих книгах и статьях. В Америке и в Западной Европе легко нам указывать на положение верующих людей в России, на трудности Церкви. Но героической, святой, защита Церкви и веры в Бога может быть только **там**, где трудно говорить открыто о вере.

*) Полностью отклик архиеп. Иоанна был напечатан в **Новом русском слове** и в **Русской Мысли**.

Солженицын знает, как мы, и еще лучше нас, что Патриарх Московский несет на своих плечах все страдальческое пастырство русское и остаток действующих церквей. Патриарх не только не может крикнуть, он даже и **прошептать** не может о вере Христовой и правде Божьей в газетах и журналах своей родины, или сказать о вере по радио.

Некоторые обращения Патриарха есть тот «социальный заказ», без выполнения которого мало кто может жить в Сов. Союзе, и Церковь не может рассчитывать на регистрацию пастырей. Тут вся боль Солженицына. Он имеет право говорить Патриарху от имени русского народа, так как живет **в равных с Патриархом условиях**, имеет равные права и равное бесправие. Несомненно, что Святейший Патриарх Московский понимает все, что говорит в своем письме к нему Солженицын, так же хорошо, как сам Солженицын. Может быть, даже еще лучше. И Солженицын, я думаю, понимает, что **это понимает** Патриарх.

Он пишет не только Патриарху. Он пишет даже не столько Патриарху, сколько **за Патриарха**.

Солженицын написал хорошее письмо Патриарху. Оно ценно стилистически, духовно и социально. Во-первых, в нем проявляется православная вера самого Солженицына, самый **дух его веры** и любви к Церкви, не как к чему-то абстрактному, а как вот к этой «лефортовской», «обыденской», «ризоположенской» церкви или — «нарофоминской» под Москвой, которую уже столько лет хотят открыть верующие этого города Наро-Фоминска и все не могут потому, что **не дают им регистрации**, — не регистрируют их веру.

Внимательный читатель солженицынского письма к Патриарху увидит, что Солженицын, по существу дела, **защищает Патриарха** тем, что критикует его. В своем сыновнем укоре первосвятителю Церкви, Солженицын благовествует **веру и Церковь**.

Живя за рубежом, мы нередко, в своих условиях легких и удобных для нашей веры, бываем безжалостны к Патриарху и другим еще не умученным русским архипастырям. Нам кажется, что они могли бы больше сделать для верующего народа. Опьяняясь своей полной свободой религиозной в Америке и других местах мира, мы уходим в слишком легкую критику деятелей церковных в Сов. Союзе и впадаем в слишком легкий героизм, требуем от **других** героизма и даже мученичества. Поучимся у Солженицына его любви к Церкви Христовой, к этой Церкви Русской, которая **осталась с народом во всех его трудностях, воскресла в страданиях войны и болеет с народом его болью**.

Солженицын недавно крестил своего сына Ермолая в одном московском храме. Несомненно, это он сам пережил историю с «показом паспорта при крещении», о котором он говорит. Безобразная гражданская инструкция о показе паспорта родителей крещаемых далеко не всегда при крещении практически осуществляется. Ведь даже коммунисты тайно крестят своих детей, при помощи, конечно, вездесущей «бабушки русской», апостола современного православия... Где уж тут до паспорта! И крещальная вода, Милостью Божьей обильно течет мимо многих «паспортов», и чиновников. Еще этому пример: несколько лет тому назад, «уполномоченные» стали (и не указом письменным, а по телефону) запрещать пастырям причащать подносимых к св. Чаше детей. Но детей в храмах России причащают всюду. И хорошо делают. Как пастыри могут иначе поступить, зная слова Христовы: «пустите детей приходите ко Мне и не препятствуйте им...» (Марк. X, 14)?

В Божьей Церкви есть два служения: **священническое и пророческое**. Были оба эти служения в Ветхом Завете и остались, в ином значении, в христианстве. Архиереи в истории, по большей части, бывают лишь учителями — **священнослужителями** и управляющими дел церковных. И это служение тоже необходимо в мире, но оно не есть служение пророческое. К **пророческому** служению Церкви бывает причастна лишь небольшая часть епископов, священников и мирян. Исповедничество их иногда сопрягается с мученичеством. Это особый дар.

Солженицын хочет, чтобы пророческим духом и мученичеством наполнилась вся Церковь, как в апостольский век. Ценное пожелание. Но Русской Церкви нужны и другие служители: эти вот смиренные малограмотные пастыри, почти совсем оттесненные от жизни народа, но творящие свое дело. Эти пастыри, как могут, в своей безмолвии, тоже благовествуют веру и надежду на Бога — молитвой, таинствами, терпением. Эти пастыри вынесли тысячелетнюю веру России. **И донесут ее до Суда Христова**.

Служения различны в Церкви и нельзя их **противопологать**. Надо, как это делает Солженицын, ревновать «о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать» (I Кор. XIV, 1); но Церковь стоит не только на пророках. Она основана на Святейшей Крови Христовой. И эту Кровь Христову несут народу эти русские безмолвные сейчас епископы и пастыри Церкви.

«Великопостное Письмо» Солженицына, это род «**пророческого**» служения, которое было уже, намечилось в его художественных произведениях. Пророчество не есть, непременно, **предсказывание**

будущего. Это, прежде всего, мужественное, открытое исповедание Правды Божьей и любви к Богу, среди океана человеческого безразличия, измен Богу, теплохладности к добру и хлада пред истинной. Люди, чуждые любви к Церкви, наверное попытаются «использовать» «Письмо Солженицына» к Патриарху, для нового унижения иерархов Русской церкви. Это будет непониманием того духа, в котором пишет Солженицын.

Не хочу никому навязывать своих оценок. Но, сказав о пути Русской Церкви, я должен высказаться до конца. После прочтения еще большей любовью чту пастырей русских и Патриарха Руси, осуществляющих, в труднейших условиях, свое служение Богу и русскому народу, в котором народились, нарождаются — и все более будут нарождаться — Солженицыны.

Священ. Сергей ЖЕЛУДКОВ

ПИСЬМО А. СОЛЖЕНИЦЫНУ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

Глубокоуважаемый Александр Исаевич, имею честь поздравить Вас со Светлым Праздником всечеловеческой Надежды. «О, Пасха! Избавление скорби». Позвольте поздравить Вас также и с получением литературной премии. Благодарение Богу, Который провел Вас к этому дню через все испытания Вашей удивительной судьбы. Слава Вам и многая лета.

Это пасхальное послание должно явиться также ответом на Ваше «великопостное письмо Всероссийскому Патриарху». При моем глубококом личном уважении к Вам я тем более свободен высказать Вам мое смущение по поводу этого документа, который может вызвать толкования самые неожиданные даже для самого автора. Должен сказать, что в данном случае Ваша нравственная чуткость в определенном смысле Вам изменила. Вы написали весь мир облетевшее обвинение человеку, который заведомо лишен всякой возможности Вам отвечать. В этом отношении Вы повторили нравственную ошибку упоминаемых Вами двух известных священников. И Вы повторили их главную ошибку — сказали не всю правду, полуправду.

ПОЛНАЯ ПРАВДА заключается в том, что легальная церковная организация не может быть **ОСТРОВОМ СВОБОДЫ** в нашем строго-единообразно-организованном обществе, управляемом из единого Центра. Могут быть разные мнения об историческом значении такой строго-единообразно-управляемой социальной системы. Самое крайнее суждение — это что у нас гибнет литература и искусство, отстают экономика и наука, вырождается нравственность, глупеет народ... Это крайнее суждение полагает, что судьба России имеет жертвенный смысл. Ценою собственной культуры народ наш защитил Европу от татар, спас весь мир от фашизма; а сегодня на себе испытывает показательный всему миру грандиозный эксперимент, который не приведет ни к чему хорошему. Так думают одни. Другие, напротив, питают светлые надежды... Мое мнение тут ничего не стоит и его не спрашивают. Но вот что я должен со всей определенностью констатировать. Есть строго-единообразно-управляемая система, и в ней удивительным образом сохраняется инородное ей тело — русская церковная организация. Она существует на весьма строго определенных условиях. Работать над церковным воспитанием детей, да и взрослых — нам **не позволено**, не позволено, как **не позволено** и многое другое, что необходимо для осуществления подлинно церковной жизни. **Одно только нам позволено** — совершать в храмах церковное Богослужение, причем подразумевается, что это оставлено только для уходящего поколения.

Что же нам в такой ситуации делать? Сказать: либо — всё, либо — ничего? Попробовать уйти в подполье, которое в данной системе немислимо? Или же как-то вписаться в систему и воспользоваться пока что теми возможностями, которые позволены? Русская иерархия приняла второе решение.

Отсюда и происходит сегодня все то зло, о котором Вы справедливо написали, и все то зло, о котором Вы умолчали. **Но другого выбора не было.** Вы ссылаетесь на католиков в Польше; честь им и слава, но у них ведь совсем, совсем другая история. Вы справедливо пишете о позоре, которого не бывало за две тысячи лет христианской истории. Но ведь никогда, никогда еще не бывало и наших совершенно особенных условий человеческого существования.

ТАКОВА ПОЛНАЯ ПРАВДА. Покойный Патриарх Алексей, не имевший возможности ответить на обличения двух священников словом, ответил им делом — запретил им священнослужение и тем поневоле подтвердил их относительную правоту. Хорошо еще,

что так обошлось, и именно в бесстрашии двух священников была нравственная красота их выступления, чего никак нельзя сказать о Вашем, извините, удивительно претенциозном документе. Ныне здравствующий Патриарх Пимен тоже не имеет возможности ответить на Ваши обличения словом. Вообразим, каким он мог бы ответить Вам делом. **Только одним** — уйти со своего поста. Но ведь другого на его месте лучше не будет. Да ничего и не мог бы изменить один человек. Итак, все осталось бы попрежнему. Одним из последствий Вашего обличительного письма будет еще бóльшая дискредитация церковной иерархии в глазах тех, кто не понимает всей правды. Не поймите меня ложно — я не призываю Вас к молчанию; но уж если писать — так писать не по безответному адресу и писать полную правду. В свое время, когда Вас, Александр Исаевич, обижали клеветой — мы все бывали за Вас обижены. А сегодня Вы сами обижаете беззащитного Патриарха и нас — не клеветой, а талантливой полуправдой, которая может оказаться для многих вреднее лжи.

Никакого **приневоливания** к жертве и мученичеству не должно быть в Церкви Христовой. Мучеников же добровольных у нас достаточно — церковных и нецерковных (различие это довольно условно), и я сожалею, что Вы не назвали хотя бы церковных имен умершего в тюрьме Бориса Талантова и страждущего в тюрьме Анатолия Левитина. Я полагаю, что обязанность наша сегодня — достойно почтить их подвиг, а самим прилежно работать каждому над тем, что в наших возможностях. В частности, проблема христианского воспитания детей встает сегодня в редких семьях возрождающейся христианской интеллигенции. В целом же надо здраво признать **реальность**: русская церковная иерархия в ее личном составе в данной системе не может сколько-нибудь ощутимо повлиять на систему. Легко и безопасно, Александр Исаевич, ругать архиереев, но воистину тяжела настоящая работа Господня. Судьба Русской церкви неразрывно связана с судьбой народа. Если **«будет будущее»** — то будет, непременно будет и возрождение русского Христианства.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ !

С уважением,

Божией милостью недостойный священник

(Сергий Желудков)

Пасха Христова, 1972.

ОТВЕТ А. СОЛЖЕНИЦЫНА С. ЖЕЛУДКОВУ

28.4.72.

Глубокоуважаемый о. Сергий!

Удивили и Вы меня. «Если будет будущее».. — а мы сами ничего не будем делать? — тому ли учил Христос? Именно **ВНУТРЕННЕГО**-то отстаивания веры и нет: что женщины после 50 лет приходят в церковь — это свойство женщин, а не заслуга Церкви. Именно **ВНУТРЕННЯЯ**-то стойкость и потеряна, вот что губительно. Потеряна больше всего — иерархами, чем выше — тем безвозвратней.

В дилемме Вы пропустили главный выход, к которому я и призываю: через **ЛИЧНЫЕ ЖЕРТВЫ** зримо перевоспитывать окружающий мир. «Один ничего не может»? — каждый может, один может, неправда. Вы девять лет назад знали что-нибудь обо мне? А сейчас перегибаете уже в другую сторону — что мне всё «безопасно»? Как же это получилось? Значит, есть путь? Вы скажете: меня окружало молчаливое сочувствие многих соотечественников? А разве у Церкви оно меньше? у Патриарха нет миллионов еще верующих?

ПРИНЕВОЛИВАТЬ к жертвам — конечно нельзя. Но **ЗВАТЬ**-то можно? Уж почему и **ЗВАТЬ** запрещаете?

С уважением

Солженицын.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА О. СЕРГИЯ ЖЕЛУДКОВА
А. СОЛЖЕНИЦЫНУ

(отзыв читателя)

Уважаемый о. Сергей!

Передо мной два документа: 1. «Великопостное письмо» Солженицына Всероссийскому Патриарху Пимену и 2. письмо священника Сергея Желудкова Солженицыну, которое Вы называете «Пасхальным посланием» и которое, как Вы не без некоторой самонадеянности утверждаете, «должно явиться ответом» (подчеркнуто мной, Ф. К.) на письмо Солженицына ВСЕРОССИЙСКОМУ ПАТРИАРХУ.

Я думаю, что нет нужды ломиться в открытые двери и доказывать ту очевидную истину, что отвечать на письмо, обращенное ЛИЧНО к Патриарху, не имея на это особого от Патриарха полученного благословения, значит проявлять по отношению к особе Патриарха крайнее неуважение, как будто Всероссийский Патриарх не имеет разума и воли и не может сам за себя ответить; тем более, что обращение Солженицына к Патриарху, как это явствует из текста «Великопостного письма», отнюдь не является всего лишь литературной формой, удобной для высказывания мыслей по церковным и общественным вопросам, но действительно представляет собой обращение к сердцу Патриарха, к его религиозному чувству, к его церковному разуму, к его пастырской совести. Несомненно, что на ТАКОЕ письмо может ответить только сам Святейший Патриарх. Мы же с Вами можем говорить только «по поводу».

Столь же необоснованным и претенциозным, как и попытка ответить за Патриарха, представляется мне и Ваше стремление говорить чуть ли не от лица всей иерархии Русской Православной Церкви.

Когда христианин выступает с церковным обличением Иерархии, то он делает это либо от Бога, либо от своей самонадеянности. В каждом конкретном случае об этом можно судить по-разному, но формального удостоверения тут не потребуешь. Ког-

Ф. Карелин — вдохновитель писем о. Глеба Якунина и о. Николая Эшлимана патриарху Алексию и советским властям.

да же христианин собирается говорить от лица Иерархии, он непременно должен иметь на это формальные полномочия.

Теперь по существу дела.

Когда сравниваешь ту церковную позицию, которую занял Солженицын в своём обращении к Патриарху, с той позицией, на которой стоите Вы, не трудно заметить, что сквозь существующие между вами различия в подходах церковно-практических явно просвечивает разномыслие мировоззренческое.

Так, ПИСАТЕЛЬ Александр Солженицын в полном соответствии с мировоззрением ХРИСТИАНСКИМ утверждает, что человеческий дух, укрепляемый Божественной благодатью, сильнее всех внешних обстоятельств, а СВЯЩЕННИК Сергей Желудков в полном соответствии с мировоззрением СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ настаивает на том, что общественная среда сильнее человеческого духа и является по отношению к нему силой определяющей.

Этот многозначительный парадокс, порождённый современной русской церковной жизнью, достоин того, чтобы быть особо отмеченным!

Спешу оговориться! Называя Ваше мировоззрение социалистическим, я, разумеется, не причисляю Вас ни к какой политической партии и вообще не имею в виду никакой конкретный социалистический толк, которых как известно из истории, было много. Я говорю здесь о социализме в том самом общем и чисто мировоззренческом смысле, в котором это учение стало известным на Руси еще во времена Белинского и Герцена, и главным положением которого был прословутый догмат «о заедании средой», который в 60-х годах прошлого века стал «притчей во языцах».

Именно это, чисто шестидесятническое непонимание сущности Христианства, эта, — странная в Православном священнике, — глухота к самой сути Благой вести о Победе Христа над миром роковым образом исказили Вашу церковную позицию так, что приняв на себя роль бесстрашного выразителя ПОЛНОЙ ПРАВДЫ (что, по Вашему мнению, должно выгодно отличать Вас от Солженицына, а заодно и от авторов «Открытого письма» к Патриарху Алексию), Вы не только не исполнили своего намерения, но парадоксальным образом сделали почти классическим выразителем основных неправд современной церковной жизни.

Не без некоторой доли нравственного негодования Вы упрекаете Солженицына в том, что он написал «весь мир облетевшее обвинение человеку», который, — как Вы считаете, — лишён вся-

кой возможности ему ответить, и что тем самым Солженицын «повторил нравственную ошибку» авторов Открытого письма.

Я не знаю, чем именно ответит Солженицыну Святейший Патриарх Пимен и ответит ли вообще. Я не считаю для себя возможным делать по этому поводу какие-либо предположения, ни тем более — подавать советы. Но не трудно догадаться, что, живя в пределах того же Государства, Патриарх имеет такую же возможность ответить, как и Солженицын написать. Нельзя же все-речь предполагать, что Всероссийский Патриарх опасается, что его лишат регистрации!

Что же касается почившего Патриарха Алексия, то прошлое можно было бы и не ворошить. Но, поскольку Вы обвиняете в нанесении публичной обиды безответному человеку не только Солженицына, но и авторов «Открытого письма», я **вынужден** коснуться и прошлого.

Патриарх Алексей, как известно, ответил, и отнюдь не одним только прещением церковным. 6 июля 1966 г., в ответ на церковно-каноническую апелляцию отцов Глеба и Николая, Патриарх Алексей, находившийся в то время в Одесском Успенском монастыре, направил всем Преосвященным Архипастырям Русской Православной Церкви специальное «Обращение», в котором по поводу авторов «Открытого письма» говорилось между прочим следующее:

«...кроме того в их действиях мы усматриваем и **стремление возвести клевету на Государственные органы**. Попытки отдельных лиц выступить в роли непризванных судей Высшей Церковной Власти и **желание их возвести клевету на Государственные органы** — не служат интересам Церкви и **имеют целью** нарушить благожелательные отношения между Государственными органами и нашей Церковью... В связи с вышеизложенным, предлагаю всем Епархиальным Преосвященным строго следить за тем, чтобы вредные для Церкви стремления отдельных лиц нарушить мир церковный и попытки дискредитировать Высшую Церковную Власть в глазах клира и мирян — пресекались бы епархиальными архиереями со всею строгостью. Распространению всевозможных «открытых писем» и статей должен быть положен решительный конец. На обязанности епархиальных Преосвященных **лежит долг следить за этим**» (Подчёркнуто везде мной. Ф. К.).

Предлагаю Вашей священнической совести самой прокомментировать приведенный текст.

На основании теперь уже многолетнего опыта я слишком хорошо знаю, что защитников «Обиженного Патриарха» ничем не прошибешь. И я думаю, что это не потому, что все они очень любили почившего, а потому, что, защищая Патриарха, они тем самым защищают свой душевный, и иногда и не-душевный комфорт. Вот и сейчас они стыдливо потупят глаза и скажут: «да, это, конечно, очень нехорошо писать клеветнические доносы на своих духовных чад, но ведь Патриарх спасал Церковь!»

Полноте! Можно ли, веруя в Бога, всерьёз думать, что Русская Церковь сохраняется грехами своих Патриархов?!

Вы считаете, что та **ПОЛНАЯ ПРАВДА**, которую не сумели или побоялись высказать авторы «Открытого письма» и Солженицын, «заключается в том, что легальная церковная организация не может быть **ОСТРОВом СВОБОДЫ** в нашем строго-единообразно-организованном обществе, управляемом из единого Центра».

Вы пишете: «Есть наша строго-единообразно-управляемая система, и в ней удивительным образом сохраняется инородное ей тело — русская церковная организация. Она существует на весьма строго определённых условиях. Работать над церковным воспитанием детей, да и взрослых — нам **не позволено**, не позволено, как **не позволено** и многое другое, что необходимо для осуществления подлинно церковной жизни. **Одно только нам позволено** — совершать в храмах церковное Богослужение, причём подразумевается, что это оставлено только для уходящего поколения.

Что же нам в такой ситуации делать? Сказать: либо всё, либо — ничего? Попробовать уйти в подполье, которое в данной системе немислимо? Или же как-то вписаться в систему и воспользоваться пока-что теми возможностями, которые позволены? Русская иерархия приняла второе решение.

Отсюда и происходит всё то зло, о котором Вы (речь идет о Солженицыне. Ф. К.) справедливо написали и всё то зло, о котором Вы умолчали. **Но другого выбора не было.** Вы ссылаетесь на католиков в Польше; честь им и слава, но у них ведь совсем другая история. Вы справедливо пишете о позоре, которого не бывало за две тысячи лет христианской истории. Но ведь никогда, никогда еще не бывало и наших совершенно особых условий человеческого существования.»

Такова, по Вашему мнению, **ПОЛНАЯ ПРАВДА**.

Я не стану утверждать, что кто-либо из писавших о современном положении Русской Церкви сказал ПОЛНУЮ правду. ПОЛНУЮ правду знает только Бог. Человек же может говорить только в ту меру, в которую Бог даёт ему видеть. Но я могу смело утверждать: в том, что Вы называете полной правдой, таковой НЕТ. То, что Вы называете полной правдой, на самом деле — сгусток двух основных НЕправд, парализующих сегодня Русскую Церковь, неправды собственно Церковной, еkkлeзиологической, и неправды Церковно-общественной. Суть первой неправды — фактическое неверие в духовное могущество Церкви (а сказано: По вере вашей вам и будет!); суть второй неправды в той психологии гражданского лишенца, которая въелась в сознание почти всего русского духовенства.

Рассмотрим обе неправды так, как они выражены в Вашем письме к Солженищину.

I. НЕПРАВДА СОБСТВЕННО ЦЕРКОВНАЯ.

Вы назвали свое письмо «Пасхальным посланием». Подумайте, какую же еkkлeзиологию выводите Вы из факта Пасхальной Победы: «Христос воскрес, и потому Церковь слабее мира сего»?.. Какой злой насмешник посоветовал Вам назвать Ваше унылое письмо Пасхальным посланием? Повидимому, недаром обходится Православному священнику увлечение протестантствующим адогматизмом и так называемой «Церковью» людей доброй воли, если Вы до того потеряли духовную чуткость и Церковный вкус, что не разобрались в очевидном «помысле» и не заметили вражеской издёвки?

«...легальная церковная организация не может быть ОСТРОВом СВОБОДЫ...» Помилуйте! Да ведь именно для того и создал Христос Свою Церковь, чтобы Она была островом свободы среди рабствующего греху мира!

Вот Вы пишете: «Есть наша строго-единообразно-управляемая система и в ней удивительным образом (подч. мной Ф. К.) сохраняется инородное ей тело — русская Церковная организация». Что Вы имеете в виду под словом «инородная»? Если Вы имеете в виду инородность политическую, то это, разумеется, неверно. Несомненно, что подавляющее большинство членов Русской Православной Церкви являются лояльными гражданами Советского Государства и самыми искренними патриотами своего тысячелетнего Отечества. Если же Вы имеете в виду инородность духовную,

— а я думаю, что Вы говорите именно об этом, — то еще более несомненно, что Церковь инородна не только нашей, как Вы пишете, «строгоединообразноуправляемой системе», но и вообще любому мирскому обществу. Церковь в полном смысле этого слова и есть ИНОЙ РОД, отличный от всего остального человечества, «род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел» (I Петра, 2.9-10). Именно эта духовная надмирность и, даже более того, онтологическая неотмирность и делает Церковь — Царствием Непокосимым: твердыней, неодолимой для врат адовых, могучей Силой, побеждающей и преображающей мир. Ведь вот Вы сами пишете, что Русская Церковь сохраняется «удивительным образом». Если Церковь сохраняется мирскими расчетами, то что здесь удивительного? Если же Церковь действительно сохраняется образом удивительным, так же, как сохранялась Она во все века своего существования, если мы, как и все прошедшие поколения христиан — ОЧЕВИДЦЫ ЧУДА, то не следует ли из этого, что вся наша жизнь должна быть этим чудом пронизана и его досотойна?

В связи с этим не кажется ли Вам, что сваливая вину за бедственное положение Церкви на внешние обстоятельства, Вы не только не защищаете Церковь, но напротив того, мысленно низводите Её с той высоты, на которую возвел Церковь Христос, на уровень бытия, качественно более низкий, ибо, по прекрасному слову старца Силуана, «раб оправдывается, сын — признаёт себя виновным».

Вы заканчиваете своё «пасхальное послание» такими словами: «Судьба Русской Церкви неразрывно связана с судьбою народа. Если «будет будущее», то будет, непременно и возрождение русского христианства».

(Как будто жизнь Церкви не самостоятельная реальность, но тень, отбрасываемая жизнью мира!)

И тотчас после этих слов Вы не устали поставить торжествующий пасхальный возглас «Христос Воскрес!». Ну, а если того будущего о котором Вы пишете, «не будет», то что тогда: Воскресе Христос или не воскрес?

Будущее Церкви в Ней самой, ибо Христос в Церкви. Церковь не может ожидать свободы от внешних перемен. Даже Святой Константин не Церковь освободил, но привёл мир под Её благодатный покров. Только из рук Христа приемлет Церковь свободу. Ибо только Христос обладает той свободой, которую Церковь ищет.

Путь к Возрождению Христианства — не общественные перемены, но стяжание благодатных даров Святого Духа! Этот святоотеческий принцип, заново утверждённый в религиозном сознании России Великим Саровским Старцем — Преподобным Серафимом, открывает перед современными русскими христианами самое широкое поле внутренней и внешней деятельности — «вот Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить её» (Откр. 3,8) — хранение чистоты сердца и всецелое устремление души к Богу, иерархическая твёрдость и верность канонической правде, соборное стояние в Истине и творческое углубление в сокровищницу богословского ведения, пророческое дерзновение и неустанная проповедь Евангелия неверующим братьям, литургическое и творческое явление светлого Лица Вечной Красоты и, наконец, непрестанное практическое добродетельное — благодатное воздействие на самые основы природной и социальной жизни.

Сим и надлежит заниматься христианам, а не увлекаться «учениями различными и чуждыми», «ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не явствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими» (Евр. 13,9).

И еще: Нас окружает не безликая масса, но целый мир живых, хотя и не просвещённых Светом Христовым душ, и если наша обязанность проповедовать Евангелие нашим неверующим братьям, то скажите мне: какими доводами мы сможем убедить атеиста в том, что Церковь это община Всемогущего Бога, если мы сами будем думать, что Церковь духовно слабее мирского общества?

II. НЕПРАВДА ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ.

Прежде чем приступить к самой сути дела, необходимо отметить, что в своём стремлении изобразить полную скованность духовенства внешними обстоятельствами Вы несколько сгущаете краски. Ведь несомненно, что всякий раз, когда православный священник совершает Божественную службу, произносит храмовую проповедь или проводит личную или общую исповедь, т. е. совершает такие действия, которые несомненно **позволены**, он тем самым **работает над церковным воспитанием своих прихожан**, а также и над **церковным воспитанием** той любознательной молодежи, которую всё чаще и чаще можно встретить в Московских и других русских городских храмах. Да и общество наше не такое уж «строго-единообразно-организованное». Стремление к стандартизации жизни — общий мировой процесс, и если Вы пройдёте по основным общественным магистралям не только Москвы, но и лю-

бой другой мировой столицы, то и там жизнь покажется Вам почти так же «строго-единообразно-организованной», но если Вы не поленитесь и от основных магистралей сделаете шаг в сторону, то и в Москве Вы непременно столкнетесь с таким причудливым многообразием жизни, которое явно не укладывается ни в какие социологические схемы. Советские люди отнюдь не муравьи и пчелы, но такие же ищущие и беспокойные дети Адама, как и все прочие. Здесь, поскольку речь зашла об общей Церковно-общественной ситуации, мне хочется возразить не только Вам, но и автору «Великопостного письма». Я думаю, что горькая фраза Солженицына: «Мы теряем последние черточки и признаки Христианского народа» несколько запоздала. Эта фраза не столько отражает современное положение вещей, сколько ту критическую точку духовной эволюции России, которая уже пройдена. Когда смотришь на неожиданно зазеленевшие нивы, невольно вспоминаешь пророческие слова поэта:

Пою: из мертвых борозд
Богооставленного поля
Святая всколосится воля
Упавших наземь Божьих звёзд.

Но пройдем к сути дела.

Вы справедливо пишете, что русская церковная организация «существует на весьма строго определённых условиях». Но что именно определяет эти условия? Повидимому, Государственные Законы. Так не кажется ли Вам, что в тех упреках, которые сделали Русской Церковной иерархии авторы «Открытого письма» и Солженицын, нет ни одного, который входил бы в противоречие с Государственными Законами. Ведь ясно, что никакие Законы Советского Государства не запрещают Московскому Патриарху обращаться к православным людям, живущим на территории нашего Отечества, с Архипастырским призывом воспитывать **своих собственных детей** в духе любви и преданности Святой Церкви. Ясно также и то, что никакие Советские Законы не предписывают регистрацию церковных Таинств, не запрещают колокольный звон, не препятствуют совершению панихид на кладбищах и треб на дому, не ограничивают участие детей и подростков в сакраментальной и богослужебной жизни, не мешают Епископам, полноправным гражданам Советского Государства, ходатайствовать о восстановлении закрытых монастырей и духовных школ или присоединять свой голос к ходатайству верующих об открытии закрытых храмов. Из-

вестно также, что никакие Законы Советского Государства не запрещают священникам быть председателями церковных советов и в соответствии с церковными канонами руководить не только духовной, но и административно-хозяйственной жизнью своих приходов, и не ограничивают состав религиозных обществ 20 человеками. Как известно, не Государственные Законы, но глубоко ложные решения Архиерейского собора 1961 г., к несчастью, недавно утверждённые Собором Поместным, навязали Русской Православной Церкви такую организацию приходов, которая находится не только в противоречии с канонами Вселенских Соборов, но и самим ДОГМАТОМ о Церкви, ибо ясно, что в Церкви АПОСТОЛЬСКОЙ не может быть никакой организации автономной от власти Апостольского Священноначалия. Наконец, никакие Советские Законы не запрещают Московскому Патриарху, имеющему, согласно решениям Поместного Собора 1917-18 гг., особый Патриарший долг печаловаться перед гражданской властью о церковных нуждах, и ныне нравственно представляющему собой миллионы верующих граждан Советского Союза, ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о совершенствовании гражданского Законодательства о религии и Церкви.

Как священник Русской Православной Церкви и гражданин Советского Государства, Вы не можете этого не знать. Следовательно, когда Вы употребляете слово «не позволено», Вы имеете в виду не законы, а нечто иное. Что именно? Не кажется ли Вам, что это «иное» относится не столько к области Права, сколько к области патологической психологии и представляет собой своего рода общественный «меон», который в значительной степени существует за счёт нашего собственного несерьёзного и неумелого отношения к Законам Страны, нашей правовой лени, а более всего прочего за счёт нашего всё ещё неопределённого страха, — не той благоразумной осторожности, которая чаще всего сопутствует серьёзному и достойному поведению, но того неразумного, чисто иррационального страха, которым, по свидетельству Священного Писания, Бог карает нечестивых и о которых так прекрасно сказано в псалмах Давида: «там убоятся страха идеже не бе страх».

Современное Советское Государство является государством правовым, и чем серьезнее мы будем относиться к принципу Права, тем полнее и актуальнее этот принцип будет воплощаться в действительность. Известно, что при многих своих великих и неоспоримых достоинствах Россия всегда страдала некоторым недостатком правового сознания. Не кажется ли Вам, что пора этот недостаток преодолеть? И если бы Иерархия Русской Православной Церкви

явила этому пример, она стяжала бы огромный общественный авторитет, весьма своевременно подтвердила бы свидетельство древних апологетов о том, что христиане — лучшие граждане государства.

Вы пишете: «никакого приневоливания к жертве и мученичеству не должно быть в Церкви Христовой». Совершенно справедливо! Но ведь ясно, что в Христовой Церкви не может быть и приневоливания к принятию Епископского сана. И если христианин добровольно приемлет монашество, а замет и великий сан Епископа, то он должен отдавать себе отчёт в том, на что он идёт. Не только в особых условиях двадцатого века, но и во все времена, — до тех пор, пока не исполнились апокалиптические обетования и царство мира сего не «соделалось царством Господа нашего и Христа Его (Откр. II,15), архиерейская митра является не столько символом Царской диадемы, сколько образом Тернового Венца. Только в такой перспективе можно духовно привильно понимать слова Апостола: «кто епископства желает — доброго дела желает» (I Тим. 3,1). Нельзя же истолковывать слова Апостола как поощрение церковного карьеризма!

Служение Епископа — всегда жертвенное. Но конкретные формы жертвенного служения могут быть весьма различны. Я думаю, что прав Солженицын, когда, сравнивая давнее и не очень давнее с одной стороны и настоящее с другой, пишет: «тогда — бросали лъ в а м, сегодня же можно потерять только благополучие». Пример Архиепископа Ермогена — лучшее тому свидетельство. И если бы не угодливые действия Церковных властей, Владыка Ермоген и поднесь управлял бы Ехархией и на Поместном Соборе прозвучал бы его голос.

Здесь мне хотелось бы коснуться одного весьма деликатного предмета — самосознания современного русского епископа. Я, конечно, понимаю, что в некотором смысле самосознание епископа для нас, — мирян, — есть нечто непостижимое. Но не будем впадать в «экклезиологическое монофизитство». Епископ не только носитель Святительской благодати, но и подобный нам человек, душевные движения которого вполне доступны психологическому анализу. Вот с этой, повторяю, чисто человеческой стороны мне и хотелось бы коснуться вопроса.

Вот епископ торжественно совершает Божественную службу. Всё перед ним трепещет! Его окружает блестящая свита сослужащего духовенства. Под ноги ему мечут «орлецы», иподьяконы с поклонами подают ему священные предмета, дьякон то и дело кадит. Ничто не совершается без его Архипастырского благословения. Он — источник и средоточие многообразных энергий Хра-

мового Действа. Народ встречает и провожает его с ликованием, валится ему в ноги. Одно слово — Владыка!

Заметьте, я нисколько не иронизирую. Я думаю, что так и должно быть, ибо воистину епископ — живая икона Иисуса Христа.

Но вот епископ оказался за пределами храма, во внешней среде, и всё сразу переменялось. Я говорю не о «кенозисе», не о «зраке раба», не о том переходе от мистической славы Храмового Действа к ВНЕШНЕМУ унижению, в котором есть глубокое подражание Христу, столь уместное в нашем обезбоженном мире; я говорю об унижении ВНУТРЕННЕМ — о страхе. Владыка, только что повелевавший огнем и громами Божественной службы, теперь трепещет перед обыкновенным чиновником.

Как же человеческая душа может вынести такое жуткое раздвоение и не усомниться в реальности одного из полюсов!

И если учесть, что на стороне полюса отрицательного не только страх души, но и выгоды плоти, для нашего падшего естества столь «несомненно очевидные» по сравнению с духовным миром, то тут недолго и в вере поколебаться и усомниться в онтологической реальности Богослужения. И как потом ни уговаривай себя, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», душа лицедейством не проживет. И в научно-богословские интересы не убежишь, и коллекционирование икон не поможет, не говоря уже и о чем плохом. И такие кошмары могут обступить душу, что и Кафке не выдумать! И если решительным движением воли ко Христу не перерубить засасывающую воронку, то засосёт и расплющит.

Вспомним: первый враг, с которым пришлось вступить в битву Преподобному Сергию, был страх. Есть серьёзные основания считать, что это было не просто одно из обычных искушений, подстерегающих подвижника. Жуткие страхования, окружившие Преподобного Отца Росии, были, повидимому, мистическими ликами того общего страха, который сковал всю современную ему русскую жизнь; и если бы Радонежский Подвижник не победил страх и за свою душу и за душу всего народа, не возродилась бы русская духовность, не заблестали бы чудесные краски русских иконописцев, и само Отечество наше не нашло бы в себе сил устоять в изнурительной борьбе с восточными варварами и победить.

Не могу удержаться, чтобы в конце настоящего раздела не обратить Ваше внимание на одно кричащее противоречие Вашего письма к Солженицыну; хотя бы для того, чтобы дать Вам возмож-

ность попристальнее взглядеться в Ваши собственные полемические методы.

Вы фактически упрекаете Солженицына в том, что он «приневоливает к жертве» Патриарха. В то же время Вы ставите Солженицыну на вид, что он не помянул имен «умершего в тюрьме Бориса Талантова и страждущего в тюрьме Анатолия Левитина» (Кстати: в отношении Б. Талантова Ваш упрек просто несправедлив. Солженицын помянул письмо вятичей, а Б. Талантов, как известно, его первый автор). Обращаясь к Солженицыну, Вы пишете! «Не поймите меня ложно — я не призываю Вас к молчанию; но уж если писать — так писать не по безответному адресу и писать полную правду». (Чему, как мы видим, Вы и показали учительный пример). Так не кажется ли Вам, что, упрекая Солженицына в том, что он «приневоливает к жертве» Патриарха, Вы в то же время сами «приневоливаете к жертве» Солженицына? При этом с той принципиальной разницей, что Солженицын призывает Патриарха к лучшему использованию того служения, на которое он несомненно поставлен Богом, чего никак нельзя сказать о Ваших призывах к Солженицыну. Художнику, а тем более художнику-христианину надлежит творить безусловное, а не участвовать во всевозможных шумных действиях, зачастую весьма сомнительной духовной ценности.

Параллельно с указанными упреками в адрес Солженицына Вы делаете смелое утверждение, что различие между церковными и нецерковными мучениками «довольно условно». Боюсь, что в своём наивном увлечении т. н. «Церковью» людей доброй воли Вы перепутали «героизм» и «подвижничество». Между тем, это два совершенно разных пути, имеющие совершенно разные основания и совсем разные цели. Различия в объективных целях сейчас касаться не буду, а о внутренних надо сказать непременно: герой ХРАБРИТСЯ и тем побеждает страх, не замечая при этом, что «перепродает» себя гордости; подвижник КАЕТСЯ в страхе и побеждает страх силою Бога. Герой создает самость, подвижник — душу.

Вы пишете: «легко и безопасно ругать архиереев». Да, неверующему человеку, наверное, легко! Но христианину, для которого Церковь — жемчужина сердца, очень и очень трудно; и нужно весьма огрубеть душой, чтобы этого не понимать.

Заканчивая свой отзыв, считаю необходимым сказать со всей искренностью; трудно представить себе документ более фальшивый и вредный, чем Ваше т. н. «Пасхальное Послание». Я не знаю, какие цели Вы ставили перед собой, когда его писали (намерения

судит Бог!), но объективно оно может послужить только одному: ещё большему усыплению и без того дремлющей Церковной совести.

Известно, что на протяжении истекающих семи лет о бедственном состоянии Русской Церкви свидетельствовали многие: Архиепископ Ермоген, первоначально поддержанный несколькими Архиепископами, священник Глеб Якунин и Николай Эшлиман, двенадцать вятичей во главе с Борисом Талантовым, протоиерей Всеволод Шпиллер (к великому сожалению, остановившийся на полпути), А. Э. Левитин и, наконец, — Александр Солженицын. И если отложить в сторону неизбежные различия в подходах и разность духовных темпераментов (а также вынести за скобки идеи политические, к Церковному свидетельству никакого отношения не имеющие), суть многократного и многообразного свидетельства окажется единой — епископат Русской Православной Церкви, пораженный маловерием и страхом, уклонился от исполнения своего пастырского долга.

При этом следует подчеркнуть, что, уклоняясь от исполнения своего пастырского долга, Иерархия Русской Церкви берёт на себя грех не только перед Богом и Церковью, но и перед Отечеством, ибо если будущее Церкви в ней самой, то духовно-нравственное будущее народа, несомненно, в Церкви.

Русская Церковь пребывает в тяжкой расслабленности, но если все мы от Патриарха до мирян искренне раскаемся в двух основных грехах, связывающих наши духовные силы: в страхе и маловерии, если мы вспомним о тех великих залогах, которые даны Русскому Православию, и с полной искренностью захотим исцелиться от болезни, которая мешает нам их осуществить, то непременно совершится чудо: предстанет одру болезни нашей Христос и скажет, не так, как говорят книжники и фарисеи, а так, как говорит Он, Единственный власть Имеющий:

«встань, возьми одр твой и ходи» (Ин. 5.8).

Да совершится сие во славу Божию!

С полным к Вам уважением,
Ф. Карелин.

1972 г. Пасха Христова
(В Неделю о Расслабленном).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вокруг письма А. Солженицына патриарху Пимену	1
* * * * *	
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Пророки Ветхого Завета — прот. А. Князев	3
Борьба с адом — К. В. Мочульский	33
Исповедь и Причастие — прот. А. Шмеман	46
Литургические заметки — свящ. С. Желудков	63
О единстве христиан во Христе и об Евхаристии — прот. Г. Сериков	86
Памяти Г. Федотова — Ю. Иваск	100
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ	
Допрос патриарха Тихона на процессе "54"	111
ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ НА ЗАПАДЕ	
Симона Вейль. Из книги <i>Сила тяготения и благодати</i>	137
СУДЬБЫ РОССИИ	
Вокруг письма А. Солженицына	
Письмо Всероссийскому Патриарху Пимену — А. Солженицын	145
Отклики: А. Шмеман, И. Мейендорф, архиеп. Иоанн, свящ. С. Желудков, А. Солженицын, Ф. Карелин.	

	Стр.
Документы: Рапорт архиеп. Павла, "Невыдуманная история" Петрова-Агатова, Объявление в приходе, преследование верующих в Литве.	
Новинки "Самиздата"	
Выдержки из интервью А. Солженицына иностранным корреспондентам	183
С. Телегин. Как быть?	199
В. Осипов. Три отношения к родине.	216
Невежество на службе произвола	223
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Моцарт и Сальери — Надежда Мандельштам	237
Стихи — Даниил Андреев	279
К "Венку сонетов" — А. Родыгин	287
Некрологи	
† Др. Филипп Мозли — П. Ф. Андерсон	289
† С. М. Зернова — Анна Шмеманн	290
Хроника	
Весенний съезд РСХД — А. Морозов	291
Воззвание Совета РСХД	294

SOMMAIRE

~~~~~

Autour de la lettre d'A. Soljénitzyne au patriarche Pimène 1

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Les prophètes de l'Ancien Testament — P. Alexis Kniazeff 3

Le problème de de l'Enfer — C. Motchoulski 33

De la confession et de la communion — P. G. Schmemmann 46

Notes liturgiques — P. S. Jeloudkov 63

De l'unité des chrétiens dans le Christ et l'Eucharistie —
P. G. Sérikoff 86

In memoriam G. Fédotov — G. Ivask 100

DOCUMENTS POUR SERVIR A L'HISTOIRE DE L'EGLISE
RUSSEProcès-verbal de l'interrogatoire du patriarche Tikhon du pro-
cès des «54» 111

LA PENSEE CHRETIENNE EN OCCIDENT

Simone Weil. Extraits de « La pesanteur et la grâce » 137

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

Lettre d'A. Soljénitzine au patriarche Pimène — A. Soljénitzine 145

A. Schememann, Jean Reyendorff, arch. Jean, S. Jeloudkov,

A. Soljénitzyne, F. Karéline et divers documents.

Nouveautés du Samizdat

Interview d'A. Soljénitzyne accordée le 30 mars 1972 183

S. Téleguine. Que faire? 199

V. Ossipov. Trois attitudes envers la patrie 216

L'ignorance au service de l'arbitraire 223

LITTERATURE ET VIE

Mozart et Saliéri — Nadezda Mandelstam 237

Poésies — Daniel Andréev 279

A. Rosyguine (dernière bibliographie) 287

Notices nécrologiques

† Dr Phillon Musley — Paul Anderson 289

† Sophie Zerkov — Anne Schmemmann 290

Chronique

Congrès de printemps de l'ACER — André Morozov 291

Appel du Conseil de l'ACER 294

~~~~~